В ЧЕТВЕРТОМ ЗАВЕРШАЮЩЕМ ГОДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПЯТИЛЕТКИ РАЗВЕРНЕМ БОРЬБУ ЗА СОЗДАНИЕ МАГНИТОСТРОЕВ ЛИТЕРАТУРЫ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации объединений советских писателей РСФСР

МОСКВА 4 ФЕВРАЛЯ 1932 г. № 1 (170)

Редакция: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Журнально-газетное об'единение: Москва, б. Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.: На 12 м. 3 р. 60 к. На 6 м. 1 р. 80 к. На 3 м. — р. 90 к.

1931—1932

Судороги небывалого экономического кризиса, усиление реакционной базы пролетариата и национально-освободительного движения в колониях, миллионы и десятки миллионов безработных, растущее обнищание трудящихся масс, сумятица империалистических вооружений, грохот военной канонады в Манчурии—так начинает 1932 год капиталистический мир.

И совсем по-иному начинает свой новый год,—последний, завершающий год первой социалистической пятилетки, выполненной в четыре года,—СССР. Он начинает его растущими успехами социалистического строительства, вступая в год штурма социалистической индустрии, под'ема колхозного движения. Он противопоставляет сумеркам загнивающей культуры империалистической буржуазии развертывание штурма и натиска культурной революции масс. Вопрос «кто кого» внутри СССР решен социализмом в селу социализма.

На фоне этих успехов социализма вызывающих особенную ненависть в СССР со стороны международного империализма и порождающих бешеное сопротивление остатков эксплоататорских классов внутри СССР, встанные за четыре становится непосредственно на фронт отставание искусства и литературы от задач социалистического строительства. Да, литература СССР является наименее идейно-насыщенной литературой во всем мире. Да, социализм обеспечивает попрание пророчеством хищных инквизиторов и буржуазных литераторов—гигантский подъем искусства. Да каждый год (и 1931 в том числе) приносит все новые и новые доказательства роста советской художественной литературы, служащей делу социалистической революции. Но как недостаточны все эти успехи по сравнению с общими успехами социализма! Как еще мало и плохо выражены в советской художественной литературе качественно-новый этап социалистического наступления! Как еще велико отставание! Нам нужны Магнитострои литературы. Нам нужно большое искусство социалистической революции. Под этим лозунгом советская художественная литература начинает 1932 год.

1931 год был годом значительного обострения классовой борьбы на литературном фронте. Сопротивляющийся разгрому, угасающий элемент пролетариата [illegible] литературе и литературе [illegible] бывшие [illegible] литературы и [illegible] контрреволюционную контрабанду. «Впрок» А. Платонова и «Гусиное из Тарабарина» Б. Пильняка, неистовый разгул изнывания о социалистическом труде молчаливо в писаниях Борис-Пильского и некоторых советских «Большая Балканы», контрреволюционные «субъективные» хитрые, всяческие «Пимоненки» Гладкие и «Гоголевы» Гумилевских, деятельность разоблаченной группы контрреволюционной группы контрреволюционеров,—эти и иные факты свидетельствуют о том, что сопротивление классового врага в литературе [illegible] далеко не сломлено, что он умело изменяется, маскируется, приспособливается, перегруппировывается.

Итоги 1931 года в литературе выявили вачарочество гнилых либералов, возглавляющих те или иные органы печати или издательства. Бесспорен, например, тот факт, что некоторые издательства (Московское товарищество писателей, «Федерация», Ленинградское издательство писателей) оказались в значительной мере проводниками классово-враждебной пролетариату художественной продукции, что другие издательства (ГИХЛ) работали без четкой линии, [illegible] изменение перестроить свою деятельность в свете задач нового этапа социалистической революции. Бесспорен тот факт, что редакции некоторых журналов (Новый мир) оказались [illegible] ми [illegible] социализма в литературе.

[illegible] «О некоторых вопросах истории социализма», посвященное [illegible] в борьбе за партийность в литературе, способствовало разоблачению ряда контрреволюционных, антипролетарских теорий и тенденциозных ошибок в литературе, усилило сопротивление масс с троцкистских меньшевиствующих идеологов типа Горбачева или Лежнева. Дало мощный стимул к усилению борьбы за очищение литературной теории марксизма от всех оппортунистических искажений этой теории.

Непримиримость к буржуазно-кулацкой агентуре в литературе, воинствующая борьба за партийность в литературной теории и художественной практике—такова основная линия развития советской художественной литературы и коммунистической критики в 1932 году. Реализация этой линии предполагает решительное преодоление отставания теоретической мысли, подъем ее на высшую ступень, усиление борьбы за ленинизм в литературной теории, говорит лицом к лицу с литературой, в самой литературной продукции. Многие стоки литературы будут созданы в тесном сотрудничестве советских писателей и марксистско-ленинской критики. Без большевистской литературной теории не может быть революционной литературной практики.

Успехи социалистического наступления и обострение классовой борьбы в стране обусловили значительные сдвиги в застановке классовых сил в литературе. Углубилась дифференциация в рядах литературного попутничества. В [illegible] 1931 году отошли с одного [illegible] в лагерь [illegible] значительной части [illegible] литературного попутничества в сторону пролетариата, на продвижение в литературных союзниках рабочего класса, осуществляющего диктатуру. И если литературная продукция безоговорочного крыла попутничества, смыкающегося с буржуазной литературой, отмечена печатью идейно-художественного объединения, и выражается, то продукция попутчиков, стоящих или становящихся союзниками и пролетариатом значительные трудности [illegible] перестройки, отмечается как [illegible] значительным идейно-художественным ростом по сравнению с прежним этапом их деятельности. Это лишний раз подтверждает, что путь на путях овладения мировоззрением пролетариата возможен дальнейший под'ем искусства. Пролетарские, пролетарско-колхозные и союзнические писатели,—вот что сегодня является производителем наиболее ценных в качестве художественной продукции.

Но в одной сфере [illegible] мире искусства и литературы не окружены такими вниманием и не имеют таких широчайших возможностей для своего развития, как в СССР, это находит свое выражение не только в том, что работа писательской общественности [illegible] в большей степени идет под постоянным пролетарским контролем, но и в том, что создаются новые организационные формы литературного движения. Создание ВОКАФ явилось первым примером литературных организаций нового типа. Вокруг редакции «Литературная газета» создается широкое [illegible] движение. Пробуждение внимания к литературе находит свое выражение [illegible] в повышении требований, которые предъявляются страной к советской литературе, и прежде всего к литературе пролетарской. Именно потому, что пролетарская литература должна завоевать свое право на гегемонию, но это право еще не заработала, партия и рабочий класс требуют, чтобы она совершила решительным переломом в темпах и тактике своей перестройки. Выполнение РАПП с комсомолом, выдвигая [illegible] особенной силой (при всей проблематичности основной линии, проведенной РАПП под руководством партии) отставание пролетарской литературы от задач социалистического строительства, основывая ряды организаций пролетарских писателей во всем СССР. Производственно-творческая пересмотрена РАПП при дальнейшем усилении ее классовой литературно-политической роли должна привести в 1932 году к новым значительным успехам на путях борьбы за творческую гегемонию. Литература, которую создает пролетариат, качественно отлична от всех предшествующих литератур,—это есть боевая литература, пронизанная великими идеями Маркса и Ленина, руководящая в практике классовой борьбой за социализм,—это есть выражение нового вида духовного производства, создающего социализм. Без [illegible] в [illegible] не [illegible] и [illegible] [illegible] литературы [illegible] и системы [illegible] по своему существу мировоззрению и творческому методу диалектического материализма. Тенденция буржуазного реставраторства, давление идеологии мелкобуржуазного идеализма, формы [illegible] выражение сопротивления и борьбе за большевистскую партийность и качественную особенность пролетарской литературы, и с другой стороны—перерождение интеллигентской [illegible] литературы [illegible] в продукции попутчиков, стоящих или становящихся союзниками и пролетариатом значительные трудности [illegible] перестройки, отмечается как [illegible]

Наш необходимо большое, идейно насыщенное искусство—вот почему необходимо в нашей [illegible] литературе [illegible] [illegible] [illegible]

БЕСПОЩАДНЫЙ ОГОНЬ ПО ТРОЦКИСТСКИМ КОНТРАБАНДИСТАМ!

ПОКРЫВАТЕЛИ ТРОЦКИСТСКОЙ КОНТРАБАНДЫ—К ОТВЕТУ!

ЛЕЛЕВИЧ ИСКЛЮЧЕН ИЗ ПАРТИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ БЮРО ЯЧЕЙКИ ВКП(б) ГАИС *

Книга Лелевича «Полям революционных разочарований» является еще одним доказательством отсутствия политического и теоретического лица у лекторов Сталина. В книге под флагом исследования историко-литературных проблем полным разоблачением проявляется враждебная марксизму-ленинизму, большевизму, проповедуется троцкистская контрабанда.

1. Так, Лелевич, во каждой статье и книге, стоя на позиции примиренца в области истории литературы буржуазной теории «о двух путях развития» в России, однако тут же признает «несомненно верной» большевистскую троцкистско-меньшевистскую концепцию русского исторического процесса, отрицающую ленинскую теорию о «двух путях». Таким образом выходит, что речь идет не о двух принципиально противоположных теориях, а что ленинское учение о «двух путях развития», является «поправкой», «дополнением» к троцкистско-горбачевским теориям.

2. Лелевич игнорирует то обстоятельство, что уже в ранних работах Ленина, посвященных борьбе с народничеством, начиная вопрос о том, «как следует относиться рабочему классу к малой буржуазии и ее программам» (Ленин, т. I изд. 2, стр 184). Он совершенно игнорирует то, что, «характерная революционное народничество и «Народная воля» в частности как первая крестьянской революции, наша партия стала мне раз, на самом примере, марксиальный вопрос нашей революции — проблему взаимоотношений пролетариата и крестьянства на разных этапах революционной борьбы» (тезисы культпрогра ЦК к 50-летию «Народной воли»).

Лелевич отвлекается все время от действенной природы крестьянства, тем самым игнорируя «те стороны, которые связывают крестьянство с пролетариатом, и в соответствии с этим те черты народнического движения, которые прогрессивны, которые пролетариат должен использовать и поддерживать» (тезисы культпрогра ЦК). Лелевич в частности пишет, что социалистическая доктрина народничества (семьи по себе реакционные) объяснялся не экономическими причинами, а только тем, что капиталисты была электрона антисоциалистической, но идеи таким образом качественной разницы между буржуазией и крестьянством. Все это говорит о троцкистском понимании крестьянского вопроса, о игнорировании в связи с этим ленинских основ революционных разногласий в нашей марксистской контрабанды.

3. Лелевич большевистской партийности литературной теории в российской эпохе противостоит либерально-троцкистский шаблон чистой литературы, «свободной от политики», что находит свое яркое выражение в приятных Лелевичем и изобилии мнениях и высказываниях буржуазных ученых типа Вахтельма и лекторов типа Аутфетаров, мнения, приемлемых любой в качестве «фактического материала».

Попыт такого «чудного объективизма» лежит на всей книге и наиболее ярко сказывается на отношении Лелевича к работам формалистов, отражая взгляды Троцкого на работы формалистов как на «подобный научный материал» см. «Литература и революция».

4. Наряду с указанными троцкистскими установками и выкладами в книге Лелевича естественно находит себе место и прямое искажение истории партии и ленинизма. Лелевич говорит о ленинизме не как о цельном, единой, монолитной, большевистской теории, а как о методологических тезисах и о бесчисленном множестве «конкретных наблюдений, выводов, положений». По Лелевичу, только в последние годы, в процессе философской дискуссии, выяснилось значение «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. По Лелевичу выходит, что для партии прежде замечанным известное прямое указание т. Сталина о значении этой философской работы Вл. Ильича. Выходит, что до последнего времени партия в вопросах философии игнорировала всего исторического значения «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина. Это нельзя назвать иначе, как фальсификацией истории партии, клеветой на партию.

5. В унисон своим указанными троцкистскими заявлениями в книге Лелевича (стр. 150) Лелевич пишет, что «Плеханов в частности в работах формалистов, отражая взгляды Троцкого на работы формалистов как на «подобный научный материал» см. «Литература и революция»).

6. В плане с указанными тезисами книги Лелевича находится и «отмеченная» оценка творчества М. Горького как «носителя «последнего мещанского демократизма». Это — троцкистско-меньшевистская трактовка в духе Горького, не понятая в своих работах тяжкую контрабанду, а в своей практической работе проводит враждебную политическую линию, мешает перед советскими органами вопрос об исключении Лелевича из рядов ВКП(б).

7. В свете этих теоретических установок Лелевича становится ясным и его контрреволюционная практическая работа в качестве ученого секретаря Гаис. Программы исследовательской работы секретарь Гаис не были политически выдержанными и встретили за основных вопросов контрреволюционного троцкизма. Лелевич вместе с директором Академии Чернышовым, заместителем директора Академии Аладовым и заведующим экспериментальной лабораторией Нельде, был активным защитником и приверженцем такого «научного работника» экспериментальной лаборатории, как непостоянствующий идеалист Карпов.

8. Бюро ячейки ВКП(б) Гаис вместе с тем считает, что и вся партийная организация (и бюро ячейки в первую очередь) Гаис в целом не сумела своевременно мобилизовать свою бдительность в отношении Лелевича, разоблачить его троцкистско-меньшевистские теории и оппортунистическую практику и дать им большевистский отпор. Бюро считает также своей ошибкой и то, что после смены оппортунистического руководства ячейки и директора Гаис в конце ноября месяца, слия Лелевича с должности ученого секретаря Гаис, оно промедлило с разоблачением Лелевича, как контрабандиста троцизма, несмотря на прямое указание об этом в резолюции пятого пленума РАПП.

9. Бюро ячейки ВКП(б) также считает недопустимым и то, что почти до самого последнего времени в Гаис не были развернуты широкая критика и разоблачение меньшевистских теорий и теоретиков, проникшихся в Гаис, типа Аксельрод, Кубикова, Переверзева, Добрынина и др. Такое положение нельзя объяснить не чем иным, как наличием либерализма и оппортунизмом старого партийного руководства Гаис и медлительностью развертывания этой работы бюро.

10. Бюро ячейки ВКП(б) Гаис постановляет:

а) Принимая во внимание, что Лелевич с прошлого до 1928 года являлся троцкистом, вернулись в ряды ВКП(б), но отрицал доверие партии, проявлял в своих работах тяжкую контрабанду, а в своей практической работе проводил враждебную политическую линию, поставить перед соответствующими органами вопрос об исключении Лелевича из рядов ВКП(б).

б) По ознакомлении с разбором книги Лелевича «Полям революционных разочарований», сочесть необходимым пересмотреть все напечатанное им за последнее время для разоблачения его троцкистских, меньшевистских теорий и взглядов.

в) Усилить в идеологическом и в учебном ВКП(б) в свете научных заборов работу по разоблачению письма т. Сталина, адр. выражающих из методы всем партии, для всего теоретического фронта и в частности — для историкам и литературоведам, которые систематическое разоблачение представителей меньшевизма, троцкизма, меньшевизма, махизма, меньшевиствующего идеализма и мобилизовать всю массу членов партии в ВКП на непримиримую борьбу за ленинизм в языкознании и литературоведении.

г) Отмечая, что статьи бюро партийной фактически прикрывало троцкистскую контрабанду Лелевича и всю его оппортунистическую работу и что тов. Орлинский б. секретарь ячейки ВКП(б) на настоящем заседании бюро замазывал дело Лелевича и свои собственные ошибки, обсудить особо вопрос о т. Орлинском и о партийных взысканиях в отношении товарищей из старого партбюро.

д) Отмечая, что б. директор Гаис тов. Чернышов, заместитель директора т. Аладов и заведующий экспериментальной лабораторией т. Нельде, являлся в то же время членами предыдущего состава партбюро, были вместе с Лелевичем апологетами ложной оппортунистической линии в руководстве Гаис и дезориентировали партрганизацию в характеристике Лелевича, обсудить особо вопрос о мерах партийного взыскания по отношению к этим товарищам.

ОДИН ИЗ САМГИНЫХ

О РАЗОБЛАЧЕННОМ БУРЖУАЗНОМ ЖУРНАЛИСТЕ МИХ. ЛЕВИДОВЕ

Кое-кто не прочь представить историю с Левидовым как «случайность» или «происшествие».

— Потрепался, дескать.

Политическая биография Левидова никак не дает повода для такого подхода. Он, этот подход, вытекает очевидно из биографии его сторонников.

Другие рассматривают Левидова в плане «доброжелательно поучительных» [illegible] Левидов [illegible] — [illegible] между первыми и [illegible] рассказами, [illegible] перед нами не литературный факт, а тем менее случайность.

Речь идет о факте политическом. Смазать — это значит допустить гнилой либерализм к врагу, к контрреволюционной, троцкистской вылазке. Бо отворотно правильно на собрании правления ВССП и горкома писателей 25 декабря указывали тт. Селивановский, Наседкин, Крыльцов и др., и правильное обсуждение вопроса о Левидове в нужное русло.

Левидов — враг. Долго маскировавшийся, приспособившийся, скрывавший свою контрреволюционную сущность за всякими «оригинальными» теориями и при первом удобном случае раскрывший все свои политические карты.

Никакой неожиданности в этом для нас нет. Меньшевистская, рапповская клеветка всегда относилась к Левидову как к буржуазному контрабандисту и жестоко била его, легко обнаруживая за [illegible] кой его путаных речей и статей их реакционное существо. Но [illegible] все эти речи и статьи не описывались, как единое целое. Была не было сейчас сделано, то стало возможно лишь время своих литературно-политических реакционных «перлов» Левидова с его последней контрреволюционной троцкистской выходкой в Доме печати.

[illegible]

[illegible] — [illegible] — [illegible] — [

РАСШИРЕННЫЙ СЕКРЕТАРИАТ РОПКП — НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ ОРГАНИЗАЦИИ

Помещая в последних номерах статьи о положении культуры организации пролетарско-колхозных организаций, «Литературная газета» правильно сигнализировала о ряде грубейших литературно-политических и теоретических ошибок руководства РОПКП.

Расширенный секретариат ЦС РОПКП в своей октябрьской работе полезен их полуробному обсуждению.

На секретариате с докладами о перестройке РОПКП выступили: И. Батраш и И. Астахов.

И. Батраш в своем докладе о перестройке РОПКП не развернул программы перестройки организации. Говоря о причинах отставания РОПКП, т. Батраш ошибочно считает все критическое ядро РОПКП целиком троцкистским, и только в этом он видит корень зла, тормозящее рост пролетарско-колхозных писателей.

На расширенном секретариате почти совершенно отсутствовали члены организации — удлонники, показанные в литературе. И так. Батраш должен был признать, что с приходом ударников до сих пор в РОПКП дело обстоит прежнему плохо. Если в некоторых местных организациях (Ленинградское отделение, Западная область) прежде проходит более изменений, чем в Москве, то в отношении учебно-политической работы ударников, закрепления прозы за удлонниками руководство ничего не сделало. В этом основная причина того, что многие из ударников отсеялись из колхозных и совхозных ударников.

Второй докладчик т. И. Астахов также недостаточно конкретно остановился на путях дальнейшей работы организации. Он не сказал о целом ряде своих ошибок антифронтовского характера (статья в № 3-4 «Пролетарского авангарда» за 1930 год).

И. Астахов также всю ответственность за работу РОПКП сваливает на отставание критики, которую целиком монополизирует в лице Резникова. Совершенно правильно разоблачает Резникова, как агента кулачества, т. Астахов говорит, что РОПКП было до сих пор плацдармом для проповеди кулацкой теории Резникова.

Поэтому такие писатели, как Зайковский, Дорогойченко и др. до сих пор не имеют в пролетарско-колхозной литературе соответствующих критических статей о своем творчестве. Поэтому «Земля советская» тормозит печатание лучших пролетарско-колхозных произведений (Шухов «Горькая линия»).

Кривизна РОПКП прала мимо контрреволюционных проявлений в колхозном строительстве (А. Ивановой «Вихрь», В. Цветов «Колхоз» и пр.). Но т. Астахов совершенно умалчивает, что руководство РОПКП почти ничего не сделало для сплочения пролетарских кадров и не разоблачило во-время разложенцев как клеветников-фальсификаторов.

Вместо всем своих ошибок в статье о творчестве Демьяна, т. Астахов отрицает их в «несмыслице», между тем, именно эти статьи ярко квалифицировали Астахова как троцкиста.

Если в общих докладах не намечен путь перестройки и нет изменения отношения творческим кружкам, то в прениях по докладам, прошедшим четыре дня, целый ряд выступлений (Ломакин, Дорогойченко и др.) отказались от конкретных разговоров, подменяя перестройку путей в перестройке РОПКП.

Тов. Корнеев (ЦИЧ ЦИК), сделав доклад т. Батраша и Астахова неудовлетворительными, указывает, что докладчики ничего не сделали в применении шести условий в деле литературы в совхозах не ставили на главной теме пролетарской литературы — показе героев социалистического строительства.

— На этой теме писать выдвигает свое мировоззрение, — говорит тов. Корнеев.

Он подробно останавливается на разборе стихотворения Ивановых-Разумников, выдающихся за пределы поэзии, и перестает «на новые переживания, отвержения на прежнем».

Также конкретной критики выдвигает ударника поэзии и т. Н. Островский, который, кроме того, указывает на недопустимо скверную работу с ударниками со стороны руководящих журналов («Земля советская» и «Комбайн»). Однако, тов. Островский недостаточно остановился на критике своих собственных ошибок.

С большой речью, наметившей коренные пути перестройки организации выступил председатель «Комсомольской правды» т. Трифонов. Он указал на необходимость РОПКП включиться в смотр молодежной литературы, который сейчас проводится в «Комсомольской правде». Кроме того, тов. Трифонов считает необходимым обратить особое внимание на выступление группы членов РОПКП («Литфронт» за 12 декабря). На этот, безусловно, положительное выступление, правильно оценивающее положение в РОПКП, руководство организации не обратило внимания.

Тов. И. Замойский подробно остановился на творческих вопросах.

— До сих пор, — говорит т. Замойский, — наша организация допускала по существу игнорирование этих партий, несмотря на решительные указания на необходимость поворота лицом к творчеству, а по существу организация занималась большей частью спорами. Сейчас необходимо создание такой сети творческих руководств. Творческая организация должна воспитывать писателя, замечать его творческому росту, указывать на его ошибки.

Так предполагается в ближайшем времени сформировать творческие группы, в которую войдут тт. Замойский, Дорогойченко, Безыменский, Шухов, Чапский и др.

И. Замойский считает, что бюро секретариата РОПКП должно покончить со лицом к творческим вопросам.

На существенное отношение со стороны руководства РОПКП к творчеству писателей указывает и т. С. Перелыгин.

— В отношении не учитывается возможная радость появления новых талантливых писателей, — говорит тов. Перелыгин.

С докладной речью о прозе выступил т. Н. Бутенко (Ленинград), который подвергает жесткой критике доклад И. Батраша.

Тов. Н. Бутенко указывает, что надо говорить не о Революции, как личности, а о революции, как перестроечно-меньшевистской теории в литературе, которая еще недостаточно разоблачена.

Борьба с ней, особенно в рядах РОПКП, должна усиленно продолжаться тем более, что Революция даже сейчас, проявляя стойкость своей теории, механистической доказывает ее вред, не жалея оговорки, по-настоящему организовать свою позицию.

Тов. А. Дорогойченко указывает на необходимость уделить внимание к вопросам партийности в литературе и конкретным критики. Он против выступления Калашникова, который защищает свою книгу «В борьбе за пролетарскую идеологию». А. Дорогойченко указывает, что именно Калашников выражает теоретические установки РОПКП, делая их канонизировать, и именно то, чтобы соединовать, творческому росту писателей, обвиняет их в прямого пути.

Об ошибках руководства РОПКП и необходимости коренной перестройки организации также говорили: Сабурин, Морозов, Дальнин, Левин, Чацкий, Волгин, Кретова, Заславский, Бенгер, Ольмак, Молодецкий, Фалинский и др.

Л. Ал.

***

На заключительном заседании были проведены выборы руководящих органов РОПКП.

В бюро секретариата РОПКП избраны следующие товарищи: И. Замойский, А. Дорогойченко, Ф. Панферов, Н. Макаров, С. Уруцкий, И. Батраш, Корнеев, С. Уруцкий, И. Батраш, Корнеев. Ответственным секретарем РОПКП утвержден тов. С. Уруцкий.

Кандидатами в секретариат РОПКП утверждены тт. Астахов и Стрельцов.

Редакция журнала «Земля советская» утверждена в составе: И. Касаткин, Ольгин, Устинов, Замойский, Заславский, Перелыгин, Шухов, Бондаренко, Дорогойченко, Чапский, Коган.

Ответственным редактором журнала «Земля советская» назначен И. Касаткин.

„ПАТЕТИЧЕСКАЯ СОНАТА"

ПЬЕСА Н. КУЛИША В КАМЕРНОМ ТЕАТРЕ*

Патетическая соната развертывается в социальных этапах дома, представленного на сцене, как раскрытый роль с высоко поднятой кришкой. Ветры революции врываются туда, проникают по каждым пролетов от мансарды почти до рабочего подвала, ее буржуазного обитателя до каморки швейки, — каждый этаж называет этот ветер своим. «Скажите мне, ветры, где дорога в страну вечной любви», — спрашивает поет Илько. Украдкою ветры, дующие на заборожских степях, — приветствует Ступай-Степанченко. Наполеоновские ветры, готовящие Россию «триумфальную» судьбу, — провывает офицер Андрей Порошин. Наш ветер, — доносится из подвала голос рабочего Гармы. Ветер революции, как тема «Патетической сонаты», советы, волнующий пафос мадонны Бетховена, взволнованного дыханием французской революции. В бетховенском пафосе выражает свой идеи герои «Патетической сонаты» Кулиша.

«Пафос» Марины — пафос буржуазно-романтической контрреволюции, украинской «державности». Романтический облик Марины имеет явно эротическое, плотское наслаждение. Программа ее романтики — «Золотая Буква», организация, создания для подавления классы украинского пролетариата. Мрачна сменяет бездеятельную мечтательность исполнительная ее. Отца — «мечтателя» она называет для связи со отцом. Перед Илько она разыгрывает импровизацию на тему «вечная любовь», чтобы заставить его освободить от арестованных. Марина заключает договор с **русским белогвардейцем**, потому что он — **свой**. Марина хочет убрать из подвала **враждебного украинского пролетария**, потому что он — враг. Свою классовую ненависть и злость она выражает в «Патетической сонате». «Только того идея победить, — патетическая декламирует она, — это за пьяным вином сумеет». Пролетариат, разве он сумеет сыграть «Патетическую сонату»? Сумеет ударить за свои идеи?

«Пафос» Марины оказался ложным. Романтика подвала — шестерка трехсотней. Марина за сумела «выиграть пальцами». Сумели уместить за свои идеи тт. в сферах Марина презрительно называла «сволочь». Да, безумный Абрам сумел довести свою идею до помощи, где его растерзали. А безотдельный Андрей? Он сумел за свою шкуру, умоляя об одном: **жить!** Пролетариат Зинка сумела кинуть в лицо буржуазному суду свою ненависть и умереть героиней. А «героическая» Марина? Она неспособна на сопротивление, умоляет: **жить!** Она неспособна на жертву, жалкая и ничтожная. Она не в состоянии бить ненавистного врага. Буржуазная идея не победит. Поэтому идеи Абрама. «Патетическая соната» принадлежит пролетариату.

Такова идея Кулиша, в свете которой он разоблачает ложный пафос Марины. Он разоблачает свою теорию. И все же романтика в дух Марины живет и после спектакля.

«Пафос» Илько — пафос интеллигентской добровольной чувствительности, романтическая романтика «вечной любви», «мечты». Поэтому и т. д. Марина — сумеет этой идеи. Не раз называется Илько в своей «вечной мечты», чтобы убедиться в каждом мгновении своего своего. Сильнее, чем по пробуждении Марины (на самом деле [illegible] героев, сожет Илько. Нет ему вечной любви! Мечта! Романтическая мечта заняла Илько полно, и [illegible] любви сильнее всякого. Сильно только Ганна увидел настоящие дни своего «пафоса». Он отдает Марину суду. Он шлет старые времена. «Патетическая соната» принадлежит пролетариату.

Кулиш разоблачает своего героя. И тот же приговор старого Илько бродит после закрытия занавеса.

Романтика Ступай-Степанченко — «заборожская сечь». У Кулиша эта романтика идиллична. Ступай своими «заборожцами» пытал петлюровское движение. У Кулиша его жаждет сдвиг романтической фразеологией. Ступай не увлекается.

Патетическая соната пролетарской революции — главная тема пьесы Кулиша. Но там, где в пьесе выступает революция — сцена митинга, куда идет Абрам, речи Луки, сцена в ревкоме, — не слышно сонаты: слышен мертвый, железный стук изящной. Пафоса революции нет.

Сцена митинга лишена малейшего дыхания жизни, буквально схематична. Она просто неожиданна по соседству с задом художественных сцен. Почему?

Пафос классового гнева? Нет его в пьесе. Бесобразный гнев Зинки имеет ночную литературную биографию. Сцена суда над Абрамом — бесцветна, а должна взрывать зрительный зал. Публика бесчувственна. Судьи безличны. Речи их банальны. Бедняки ниже пьеса как бы парализованы жаром. Невидимому автор почувствовал эту странность: неожиданно расцветает эстетика вероятных арестантских времен надела Наганя в виде сонных. Автор смотрит на революцию не глазами Луки, а глазами Илько. Илько по существу отрицает пафос революции, потому что хочет спастись от собственного ложного пафоса. Он превозносит простоту функций, чтобы найти в них выход из своей мучительной интеллигентной сложности. Он иронически отрицает пролетариат. Он хватается за функцию, как утопающий за соломинку.

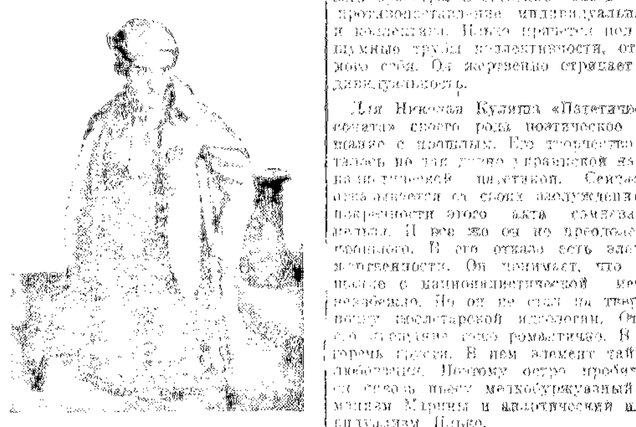
Еще любопытная фраза. Говорит Луки, но по существу она принадлежит Илько. «Пролетарская патетическая соната будет сыграна не на розах, а на нотах трембалах и трубах». Ну, конечно, это не «функция». На розах можно сыграть более коллективистскую сонату, чем на дырках трубах духового оркестра. Собственно здесь чада противопоставление индивидуальности и коллектива. Илько прячется под эти шумные трубы коллективности, от самого себя. Он жертвенно отрицает индивидуальность.

Для Николая Кулиша «Патетическая соната» своего рода поэтическое произведение с прямым. Его творчество питалось не так давно украинской жизнью и поэтической пьесой. Сейчас он отказывается от своих заблуждений. В поверженности этого акта сомневаться нельзя. И все же он не преодолевает сомнения. В его отказе есть значение жертвенности. Он понимает, что прошлое с напоминаниями мечтой разобщено. Но он не стал на позицию нашего пролетарского идеологии. Отсюда его сомнения, его романтика. В нем горечь поэта. В нем элемент тайного любования. Поэтому остро пробивается сквозь пьесу мелкобуржуазный элемент Марины и аполитический индивидуализм Илько.

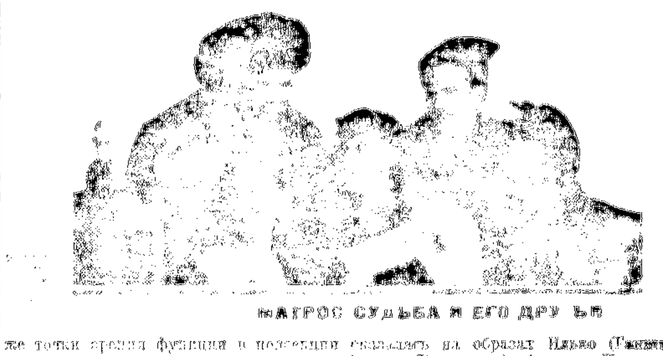
Но автор прорывается иногда сквозь эфиссины.

Сильно автором в особенно Таировым сделана сцена допроса Андрея, лучшее место. Нет пьесы вообще расцвета сюжетных символических ужасов. Почти каждая фраза пропитана смысловыми изысканиями. Удары кастель в подполье, которую опутывает Настя, перекликаются со стоном требований коммунистов Гармы, с ударами пролетарских колосьев, с романтическими нотами Илько, с оружейными залпами. Символика в пьесе вплоть до имени матроса Судьбы и кадета Жоржика.

Для Камерного театра сложный длительный материал пьесы. — событие довольно необычное. В этом смысле режиссерская работа для спектаклем составляет для театра известный этап. Режиссерия ярко сделал первый акт метких и сочных интонаций, длинным образом, до патетического финала. Актерская интерпретация



АБРАМ — Н. ЧЕМЕРИНЫ



МАТРОС СУДЬБА И ЕГО ДРУГ ЬЮ

же точки зрения функция и подсознания [illegible] тем же типа [illegible] Илько (Гаевский), Зинки (Разумовская), Андрея (Хмельницкий), Жоржика (Сумеров), особенно Судьбы (Ларов). Образ неожиданный в Камерном театре. Кошек в последнем [illegible], если не решаемся [illegible], с большим драматическим показал [illegible] Марины, хоть не раскрыла романтического [illegible].

И все же театр не преодолел [illegible] схематизма, хотя и он прорывается до патетических нот. Пафоса революции нет, хотя играют трубы и трембалы оркестра. И театр [illegible] романтикой Илько.

Он смотрит на революцию так же, как и автор.

Глазами Илько.

Ю. ЮЗОВСКИЙ

ПИСЬМО т. СТАЛИНА И ФРОНТ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

НА ДОКЛАДЕ т. С. ДИНАМОВА В КОМАКАДЕМИИ

Письмо тов. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» имеет огромное значение для всего фронта теории, в том числе и для участка теории литературы, ибо на этом участке мы до последнего времени наблюдаем особенно отставание.

Анализу этого отставания и был посвящен доклад С. Динамова — «Письмо т. Сталина и фронт искусства и литературы».

***

Охарактеризовав огромное значение письма тов. Сталина, С. Динамов указывает, что известная партийная близорукость имеет место и на ряде участков литературного фронта.

Критика меньшевиствующих «федералистов», не одинаковых стандартными предложениями сменяющих линии Л. Троцкого, и Семена Родова, является [illegible] «сбросной» контрреволюционной [illegible] «Второй» А. Платонова; [illegible] [illegible] Ивановых-Разумников [illegible] Бабель [illegible] Коганова — все это не что иное, как проявления гнилого либерализма.

Не менее характерны и троцистская статья Лелевича о музыке, напечатанная в № 11—12 «Советского театра» за 1930 г., и «Этюды о современной западно-европейской и американской литературе» Г. Кунова (Изд. 1930), открыто защищающего фашистских и империалистических писателей, как [illegible], не связанных с политикой. Перелыгин в «Кулиш и Н. Зиновьев», которая в своей книжке о с временном итальянском художнике Максимо Камилли (Изд. 1930), пытается [illegible] «не замечать» итальянского фашизма.

В издании «Федерации» книжка Полянцева «За марксистское языкознание» заложена молочной расценивания, как положительный факт [illegible] изучения языковых [illegible].

Издательство «Академия», ставшее центром буржуазной реакции в области [illegible] критики, выпустило «Опыт современной эстетики» В. Вагнера, [illegible] «проповедуется бесцельность искусства, справа художника» на борьбу с пятилеткой. Предисловие А. В. Луначарского к этой книжке типичное проявление гнилого либерализма [illegible] [illegible] Луначарский [illegible] Академии [illegible].

Все эти факты [illegible] теоретическую базу для контрреволюционных группировок в области [illegible] нацдемовщины, [illegible] за буржуазной Европой.

В [illegible] [illegible] [illegible] которых [illegible] троцистского контрабанду, [illegible] буржуазной в области литературоведения.

[illegible] Лаврова [illegible] «Новый [illegible] Бухарина [illegible] Бухарина [illegible] [illegible] Бухарина [illegible] [illegible] Бухарина [illegible]

ОБЗОР ПЕЧАТИ

ПРИТУПЛЕНИЕ ПАРТИЙНОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ

„СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ СЕВЕР" № 1, 2, 3, 4 1931 г. — ОРГАН СЕВЕРНОЙ КРАЕВОЙ АПП

Выход 4 номера журнала «Социалистический север»—несомненно положительное литературное явление.

Журнал Северной краевой АПП пишется большим подъемом в деле перестройки организации, закрепления прежних ударников в литературу, развертывания плано-воспитательной работы—особенно сейчас, когда первый краевой съезд пролетарских писателей Севера, только что закончившийся, открыл новую страницу в истории северной ассоциации.

«Социалистический север» не в пример многим нашим провинциальным журналам—большой по своему объему журнал, выпускаемый на прекрасной бумаге, с хорошими иллюстрациями, выходящий большим количеством пролетарий северных писателей. Из рассказов, поэзии и романов много выдвигается в первом номере произведение Бориса Дорожкина писателя **Тина-Вень—«Тризан-Вась»**, в начале которого правильно поступает журнал, как мы уже писались в Комсомольском области дорожные грамоты, обнимающие рассказ классово-чуждым на том основании, что автор описывает судьбу крестьянина-единоличника, стремящегося больше отнять земли на участке в лесу, который он тщательно отрывает от соседа. Бери эту тему, Тина-Вень показывает безысходность и невозможность для единоличника-крестьянина улучшить свое материальное положение, без обращения в батрачество. Что же здесь классово-чуждого?

В настоящем обзоре, не вдаваясь в подробный анализ журнала по разделу беллетристики, мы хотели бы указать, что основная беда журнала—это пренебрежение к самому понятию «программа», проводимому «на деле программ интересов большинства», о котором говорит т. Сталин в своем письме в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Так, в № 1 «Социалистического севера» мы читаем программную статью, открывающую литературного характера, В. Тинина, утверждающего, что у «Октября» с РАПП были только чисто-творческие разногласия:

«Объективные споры на литературном фронте, которые имеют место сейчас не только в Москве и Ленинграде, но и на далекой периферии, были спорами в конечном счете по вопросу о творческом методе».

Тов. Тинин в этой же статье изображает дело таким образом, что ударник, приходящем в литературу, нечего будет «закалить свой материал» (в каком, что прием ударника в литературу только и «начинает историю пролетарской литературы», т. е. по существу говоря, до этого приема истории у пролетарской литературы не было. В статье содержится и ряд других ошибочных, вредных, искажающих дело движением пролетарских писателей литфронтовских положений.

«Левый» Б. Тарин пишет:

«Налицо—самая нелепая попытка» ...

журнала, выпущенном в свету, редакция не отметила этих ошибок, содержащихся в статье т. Сидоренко.

Большой политической ошибкой редакции, осужденной в решении краевого съезда, является помещение явно реакционного произведения—«За поворотом»—Н. Пизского (в № 1 журнала). В этой повести Н. Пизский утверждает бесплодие человека в борьбе с суровой полярной природой севера. Люди, заброшенные на советскую работу на север, зверяют, лечают, одни за другим выбывают из строя, дезертируют.

Журнал «Социалистический север», который в основном должен строиться руками ударников пролетарских писателей, как Соколов-Минатов, Д. Бритвин, А. Расстанов, М. Зинаруднов и др., помещается полезных не отличается особой художественной и идеологической ценностью. Особенно критикуется на критическая статья А. Рассадина «Диалектика на сцене» о пьесе Афиногенова «Страх», напечатанная не столько в самой пьесе, сколько по поводу ее.

В статье т. Данилова «Ударник, смена в литературу» проводится неправильное утверждение, что **«ударник стал центральной, ведущей фигурой пролетарского литературного движения».**

Тов. Данилов приходит в этой статье к мысли, будто «благодаря приходу ударников пролетарская литература начинает преодолевать отставание от темпов социалистического строительства, от темпов культурной революции, от политического и культурного роста трудящихся, с каждым днем предъявляющих к литературе все большие и большие требования». С одной стороны, это неверно, потому что пролетарская литература еще не начала перестройку в такой степени, чтобы можно было утверждать о преодолении отставания, в другой стороны—у автора здесь явно выражается мысль, что отставание будет преодолено в результате упорной работы и учебы по повышению литературного уровня писателей, в том числе и ударника.

Причем иным, как стилем либерализма можно объяснить появление таких статей, как «Тревога на изобразительном фронте» Н. Клюева (в № 3-4). Автор ничего не говорит о большой роли, какую играет организация рабочих художников и все детские пролетарские организации, борющиеся за пролетарское изобразительное искусство. В статье отсутствует упоминание о постановлении ЦК о плакатной литературе и об ВОПРИ. А разве может журнал—орган пролетарских писателей—говорить о положении на фронте изобразительных искусств—обойти молчанием это постановление, которое имело решающее значение для пар-фронта?!

Редакция должна дать в последующих номерах развернутую критику всех своих ошибок, идущих в основном по линии притупления партийной бдительности, по линии «левого либерализма»

УСИЛИТЬ КЛАССОВУЮ БДИТЕЛЬНОСТЬ НА ИЗДАТЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

ГИХЛ созвал 23 декабря в клубе ФОСП первую **общемосковскую конференцию библиотекарей, рабочих-читателей и писателей.**

Конференция заслушала доклад тов. **А. Митрофанова** «Роль и задача художественной литературы в реконструктивный период в тематический план издания ГИХЛ на 1932 год» и доклад т. **Резника** «Смотр продукции ГИХЛ за 1931 г.». В клубе ФОСП была развернута выставка литпродукции ГИХЛ за 1931 г.

Тов. Резник отметил, что наряду с достижениями ГИХЛ (выпуск серии «Из братских литератур», в которой издаются актуальные по тематике произведения М. Чумандрина, А. Бежанова, М. Зарудного, В. Ильенкова, А. Сурова, В. Лугового, А. Кудреева «Сергунтиков», рассказы-ударника Шкодина, Ильяченко и др.) есть еще ряд серьезных недостатков. ГИХЛ выпускает большое количество такие книги, которые направляют деятельность действительности. Это показывает плохое обсуждение тематического плана советской общественности, избавит ГИХЛ от ряда новых ошибок.

А. КР—ОВ

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ

НА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"

12 №№ в год

На 12 мес.—9 р. 60 к., 6 мес.—4 р. 80 к., 3 мес.—2 р. 40 к.

АНТИПАРТИЙНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ Г. НИКИФОРОВА

2 января в клубе ФОСП состоялся вечер писателя Г. Никифорова. На вечере, в числе прочих, выступили т. Малышев и Мешин с резкой критикой антипартийных утверждений т. Никифорова в его статье «Разрешите высказаться» («Литературу», № 29), осужденных ЦО партии («Правда».

Вместо того, чтобы заняться от своих ошибок, Г. Никифоров начал говорить о том, что «все ошибаются» и «всем нужно не выпустить из одной книги, которая бы давала сколько-нибудь четкие указания в области марксистской критики. Зато в ЛенГИХЛ вышла книга Г. Гебачева «Современная русская литература», пропитанная троцкистскою контрабандой; вышла книга Бухштейна «Вопросы марксистской литературы», которая является сплошным лжетеоретической шлеханова. В продукции ГИХЛ не нашли никакого отражения произведения рабочих-художников.

После докладов тт. Митрофанова и Резника на конференции развернулись прения.

К сожалению, участники конференции не были подробно ознакомлены с планами ГИХЛ на 1932 г., которому посвящен доклад т. Митрофанова.

Для обсуждения тематического плана на 1932 год ГИХЛ должен созвать специальное совещание библиотекарей, рабочих-читателей и авторов. Своевременное широкое обсуждение тематического плана советской общественностью избавит ГИХЛ от ряда новых ошибок.

А. КР—ОВ

НА СОБРАНИИ АКТИВА ЛАПП

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Третий день прений по докладу т. Ермилова открывается выступлением т. **КОЛТЫКА**, отмечающего полную неудовлетворительность работы группы «Резец». Резкую критику заслужила КАЛИНИН в слишком большом месте, уделенном активной буржуазных влияниях, и т. д. далее т. **ШНЕЙДЕР, КАСАРИН** и др.

Большие выступления **М. МИТЕЛЬМАНА** и **Ф. ЕВСЕЕВА** посвящены вопросам творческо-производственной перестройки ЛАПП. На этих же вопросах останавливается и т. **ФАДИЛОВИЧ**. На ряд ошибок группы «Залп» и журнала «Резец» указывает тов. **ГРОМОВ**.

О часовой речью выступил на собрании тт. **В. СТАНСКИЙ**. Основные положения речи т. Станского изложены в его статье в «Правде».

В работе Выборгского райАПП говорит т. **Н. ЕВСЕЕВ**, давший также разбор отдельных номеров журнала «Резец», не только не помогающего новым кадрам пролетарской литературы, но и мешающего их росту. Ошибочные установки ряда передовых этого же журнала подвергнуты критике т. **ЛЕЛЕВИЧКИНА**.

После выступления т. **ФРИДМАНА** («Юный пролетарий»), посвященного вопросам совместной работы с комсомолом, **В. ЕРМИЛОВ** закрывает собрание.

ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

6 января, в 7 часов вечера, в клубе ФОСП открывается первый расширенный пленум ЛОКАФ.

***

10 января в Ленинграде отчитывается всесоюзное советское авторское общество. На нем выступят доклады т. **Полонский** о работе на литературных местах в течение 4 лет, и доклад т. **Ермилов** и по мастерству—**Лебединский**, сообщение также доклад т. **Маркина** «О молодой смене советских писателей» и доклад **Бонч-Бруевича** «Ленин и литература».

В дни прений пленум уделяет внимание автором отдельных произведений, а именно: **Ильинский**, **Ивановский**, **Ромашов**, **Мусатов**, **Ропшин**, **Ковалев**, **Ивин**, **Ивин**, **Ларионов**, **Гладкий**, **Ф. Ф. Ф.**, **РАПП** и театров театров Москвы, Ленинграда и др.

***

Состоится 27 декабря **собрание творческого актива при журнале «Резец»** в связи с новой тематической перестройкой работы журнала в соответствии с решениями последнего пленума РАПП. Занятия будут посвящаться на тему: **«Задачи и проблемы**, входящих в план издательства, но в пределах общественно-политических (Мерзляков, Шевченко, Ленин, Сталин) и литературно-художественных (Ибсен, Шер, Ами, Лебединский, Ивановский и др.) материалов. Руководить занятиями будет **Е. Трощенко.**

Это собрание заслушало доклад **Г. Корзебникова** «О творчестве Мегрелидзе».

***

В Ленинградской книге и месяцем журнальной-газетной объединения (в Культурной [illegible] Ленинградского РОСФО. Комитет [illegible] ВКП (б) с новостями рапорта, [illegible] 1. Журнальное объединение [illegible] литературно выполнила профпланы объединения за 931 год.

[illegible] 16 [illegible] и газет [illegible]

[illegible] литературных дискуссиях, [illegible] А. Безыменский, [illegible] Ивановский, А. Бесчинский, [illegible] Ивановский, А. Безыменский [illegible]

[illegible] на кулуарном совещании культсектора ВЦСПС [illegible] с докладами ЦК [illegible] А. Фадеева [illegible] «О задачах правления РАПП» и А. Афиногенова «О задачах РАПП в области драмы».

***

7 января, в 19 час., в Доме Герцена—расширенное исполбюро ФОСП. (Доклад тов. **СЕЛИВАНОВСКОГО** о плане перестройки ФОСП).

Л. Островер исключен ИЗ ВССП

Постановлением правления ВССП исключен из состава членов союза кандидат в члены правления Л. И. ОСТРОВЕР за ряд политических поступков, дискредитирующих звание советского писателя, а также за полуотребления по финансовой [illegible].

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПРЕЗИДИУМ ВССП

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Письмо т. Сидорова ставит перед общественностью [illegible] необходимости [illegible] на литературных критиков.

Я уже публиковал письмо в «Лит. газете» (в начале 1931 г.) [illegible] ошибках, которые я допустил в своих работах о [illegible] литературе, в особенности в двух статьях, опубликованных в 1930—28 гг.

Я использовал материалы, где подчеркивать [illegible] в моих работах ошибки.

Сейчас, однако, нужно, на мой [illegible] этого [illegible] ошибок, допущенных мной в статье «Путь М. Булгакова» («Печать и революция», № 4, 1929 г.).

В этой статье я пишу, что М. Булгаков, [illegible] из [illegible] [illegible] [illegible]